
Дмитрий ЗИНОВЬЕВ

*Посвящается Наталье Гранцевой,
с чувством бесконечной благодарности*

* * *

необходимое средство
мед молоко в стакане
кнопочки на баяне
и никуда не деться

может быть старый велик
разом решит проблемы
ближе к концу недели
может быть ритм арены

или метнуть монетку
звонкую на удачу
ты и небо в придачу
легкий шепот не к месту

* * *

вакуум времени снова
черной дырой в перспективе,
теодолит на штативе
до половины восьмого,
где-то за кадром строитель,
невероятный создатель

нет, ничего не заметно,
кто зафиксировал планку,
законсервировал банку
существованья, конкретно,
всякая малость живая
и безусловно трамваи

прочие скрытые формы
для посвященных субъектов,
тайны секретных объектов,
пресса и мир иллюзорный,
без комментариев страсти,
дух и натура отчасти

Дмитрий Евгеньевич Зиновьев родился в 1960 году в Казахстане, в г. Чимкенте. Окончил Оренбургское музыкальное училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Арион», «Топос», «Textonly», «Дружба народов», «Северная Аврора», «Нева», «Пироскаф», «День поэзии-2024». Автор книг стихотворений «Снимок на память» (2010) и «Бозон Хиггса» (2024). Живет в Санкт-Петербурге.

руки раскинул эколог,
местности всякой хранитель,
впрочем, методика ниппель,
только вперед, археолог,
на полпути или больше,
но неизвестно, что дальше

* * *

очень серьезный подход,
обстоятельный и приятный,
внешний вид аккуратный,
привлекательный,
какой-нибудь, скажем, доход
натурой или деньгами,
увлечение оригами

строим за сапогами,
за каблуками в поход,
на выход, рота, на вход,
часовой, на обед компот,
какой без дохода год,
никто ничего не дает

ну, хоть бы что-то сказали,
не сразу, хотя бы в финале,
в спортзале бы где-нибудь, в зале
консерватории зале,
или бы намекнули,
подмигнули бы, что тут не ясно,
без дохода ужасно

ИЗ ЦИКЛА «ИТАЛЬЯНСКОЕ ТУРНЕ»

* * *

Италия манит, волнует, зовет,
встречает улыбкой гостей,
и зной предьявляется дни напролет
поклонникам теплых морей.

Ушедшего времени тянется счет,
и все и всегда налегке,
и кажется, будто античность вот-вот
представится накоротке.

То профиль мелькнет из далеких времен,
то взгляд обожжет глубиной,
то площадь собором и ритмом колонн,
то море и небо ценой.

* * *

По флорентийским камням   кажется, сам Леонардо
в средневековье куда-то,   вскинул глаза на ходу,
кажется, встретился нам   кажется, сонная Арно
Данте в хитоне помятом,   определяет судьбу.

Может быть, все это сказка —
ратуша, площадь, собор,
может быть, книжка-раскраска —
голый Давид и синьор.

В РИМЕ

Нет слов, одни эмоции   А мы сидим в тенечке
на площадях твоих,   с водичкою в руках,
расписанные лоции   с мороженым в кафешке,
и вечность на двоих.   монетки в кошельках.

Вокзал почти мифический,   Фонтаны — как утопия,
а дальше мы пешком,   фонтан Треви — как сон.
и Колизей физический,   Так это ж Эфиопия,
и Форум на потом.   по Цельсию притом.

Фигуры Пантеона —   И где-то в дальних далях
известная семья,   как тайна — Ватикан.
и мрамор, и промзона,   Ну все, как обещали,
и золото, друзья.   иллюзия, обман.

* * *

Как Афродита из моря,   Лодочки бьются бортами,
вышла Венеция в мир   колокол вскрикнул вдали,
и одарила собою,   а на Сан-Марко за нами
счастьем и съемом квартир.   толпы туристов пошли.

Как это чудо возможно,   Видимое пространство
город в воде отражен,   и неизменность вещей,
ходим кругами тревожно,   таинство венецианства
между счастливых персон.   суетной жизни людей.

* * *

осознавать себя в бездонной глубине
внутри сквозного мироздания и все же
копать отходы эволюции, вполне
оригинальное занятие, о боже

не зря загадочные медики в очках
берут анализы, к примеру, для работы,
не зря шахтеры в неолитовых пластах
лопатают уголь круглосуточно, до рвоты...

и жизнь по-своему прекрасна, как арбуз,
под микроскопом оживленное движенье,
послы, министры, президенты, встречи, груз
решений, тосты, разговоры, напряженье

перекликаются, как утром петухи,
обеспечение, развитие, границы...
прошли по пастбищам и звездам пастухи
с дарами старыми, с баранами собаки

подобны мыслям, нарушающим покой,
неподдающимся физическим законам,
вошли, сказали: — добрый вечер, дорогой,
вы понимаете, как плохо в мире клонам

как страшно мучаются роботы в цехах
и надрываются на каторжной работе,
им не хватает силы думать о стихах,
у них проблемы с электричеством в народе

в распредкоробках замыкают провода,
ток прекращается, вращение вращаться,
турбины глохнут, рубикон, туман, вода,
во всех компьютерах все разом перестанет

вы понимаете, что делать, что почем,
кого доить, кого на бойню, чтобы мясо,
как разговаривать с народом обо всем,
какие суммы проворачивать инкассо

озон кончается, образовал дыру,
как бы зимой не оказаться без морковки,
порядок в солнечной системе до конца,
конец ужасный у народов, если ссора

договориться надо между всем собой,
дарить питание всегда и сразу детям,
вообще тогда не спекулировать мукой,
еще оружие на космос, для защиты

ответил: — трудно без по разуму друзей,
они летают очень быстро, но не с нами,
не захотели нашей дружбы навсегда,
мы можем плохо прогнозировать цунами

но мы прорвемся, мы построим корабли
для дальних странствий по галактикам далеким,
умом постичь всю обстановку на местах,
дружить домами, умножать культуру жутко

ФРАГМЕНТ № 3

...Куртка замшевая... три...

*А. С. Шпак. Из к/ф «Иван Васильевич
меняет профессию»*

Я потерял три телефона,
мобильных три, какая драма,
невероятно, невозможно,
в душе любовь и пилорама,
три сотовых, какие страсти
в душе, измученной страстями,
куда же смотрят наши власти,
функционеры с новостями...

Взят из контекста произвольно
фрагмент слезы внутриутробной
словарной массой отглагольной
и массой слов себе подобной,
а на повестке дней нирвана
для в целом каждого дивана,
об этом думы день и ночь,
и снова день, и снова ночь...

Эфир гудит, как рой пчелиный,
в трудах прайм-тайм неотвратимый,
участники страстей студийных
и с ними стресс мультимедийный,
у каждого любовь и драма,
и свой сценарий для экрана,
и театральной новой сцены,
и оперы, какие цены...

Почти возможно что угодно
сказать, почти что, где угодно,
с особым чувством, как со сцены...
немая сцена... что угодно
не скажешь...

Нет, не современно,
фонтан вчерашний Заратустра,
не чтобы то, включите Пруста,
и тут же, это не искусство,
включите Джойса, чтобы устно,

искусство — как бы не искусство,
а как бы жизнь, и как бы чувства,
и зарифмованные трансы,
и бесконечные баллады,
и нерифмованные стансы,
и плюс на минус перепады,
и все случайности случайно,
и тайной все покрыто, тайной...

Лежат бесцельно три коробки,
три мушкетера на мели,
ну как расстаться, где обновки
и обновления... вдали
какие-то смешные суммы,
былое, кажется, и думы.

Забуть о прошлом невозможно,
и фестивальные тусовки,
и премиальные разборки,
и тексты навсегда, серьезно,
словарные слова и точки...
И глянцевого ждут коробки
определения, как строчки,
как обновления системы —
администраторы системы,
несохранившиеся фотки
лишь миражи в контексте темы
неповторимого... и глянец
необходим, когда со сцены,
на камеру, когда румянец,
когда, по Цюю, перемены,
какой финал, какие цены...

Финал на фоне аварийки
на улице, особый случай,
три паспорта, три гарантийки,
печальный голос аварийки,
и три зарядника на случай,
и зарифмованные чувства,
и современное искусство.